

Глава 12. Симэнь Чуйсюэ

Меч Симэнь Чуйсюэ создан лишь для того, чтобы убивать.

Если клинок покинул ножны, он не вернется обратно, не отведав крови.

Однако на этот раз меч Симэнь Чуйсюэ всё еще покоился в ножнах. Мечник вышел в путь не ради убийства, а ради спасения. Он шел за той, кого уже однажды спас. За женщиной и её ребенком.

Покидая поместье Десяти тысяч слив, Симэнь Чуйсюэ облачился в безупречные одежды. Одевание его было ослепительно белым — от ворота до подола, — подобно первозданному снегу. Он совершил омовение и соблюдал пост, ибо знал: час настанет, и сталь обнажится. А когда его меч выходит на свет, кто-то непременно должен умереть.

Он не предавался лишним раздумьям. Такой мастер, как он, никогда не скрывал своих намерений — идет ли он отнимать жизнь или даровать спасение. Великому мечнику не нужна тайна.

Поэтому, когда перед ним внезапно возник Лу Сяофэн, Симэнь Чуйсюэ не выказал ни тени удивления.

Лу Сяофэн прибыл напрямик из Терема, подпирающего небеса. Разумеется, Хуа Маньлоу был рядом с ним. Друзья шли столь быстро, что не могли слышать разговора между Хозяином терема и Сюй Бусю. Впрочем, даже замедли они шаг, эти слова не предназначались для их ушей.

В ту минуту в Тереме, подпирающем небеса, Сюй Бусю вкрадчиво вопрошал:

— Глава, неужели вы и впрямь решились на это?

Тот лишь усмехнулся в ответ:

— Сделанного не воротишь, а пролитую воду не собрать. Больше не спрашивай об этом.

Всё в подлунном мире — веление судьбы. Встречи, поступки, разлуки — всё предрешено свыше. Но чтобы отыскать Симэнь Чуйсюэ, божественное провидение не требовалось. По крайней мере, для Лу Сяофэна это было проще простого.

Собственно, для любого человека это не составило бы труда. Мужчина столь выдающийся, как Симэнь Чуйсюэ, если не скрывается намеренно, приковывает взгляд с первого мгновения. От него веет ледяной стужей и остротой обнаженного клинка. Как можно не заметить мечника в

белоснежных одеждах, чья аура пронзает само небо?

— Похоже, ты угодил в переделку, — заметил Лу Сяофэн.

— В беду попали другие, — коротко отозвался Симэнь Чуйсюэ.

Лу Сяофэн усмехнулся и спросил:

— И кто же они?

Вместо ответа Симэнь Чуйсюэ достал из-за пазухи письмо. Лу Сяофэн развернул дорогой, аккуратно сложенный лист. Послание было кратким: «Сунь и сын гостят в моем скромном доме. Жажду воссоединения».

Под «Сунь», без сомнения, подразумевалась Сунь Сюцин. А её ребенок мог быть только сыном Симэнь Чуйсюэ.

Три года назад, перед легендарной битвой на вершине Запретного города, Симэнь Чуйсюэ отложил поединок на целый месяц ради Сунь Сюцин и дитя, что она носила под сердцем. Тогда он хотел лишь одного — устроить их в безопасности. В тот миг бесстрастный мастер превратился в человека из плоти и крови.

После великой схватки Симэнь Чуйсюэ постиг новые пределы мастерства, вновь переродившись — на сей раз из простого смертного в того, кто живет лишь ради меча. Именно тогда их пути с Сунь Сюцин разошлись. Прошло три года. И вот пришло время новой встречи. Неизбежной встречи.

Каким бы фанатичным ни был Симэнь Чуйсюэ в своей любви к искусству клинка, он оставался человеком. Он никогда не бросил бы жену и ребенка на произвол судьбы. Бог меча — в конечном счете всё же человек.

Лу Сяофэн понимал это как никто другой. Он был единственным другом Симэнь Чуйсюэ. Сразу догадался, о ком речь в письме, потому и спросил: «Кто они?». Кто посмел взять в заложники его близких?

Однако письмо не давало ответа. У этого послания было начало, но не было подписи.

— Говорят, что неприятности так и льнут ко мне, — криво усмехнулся Лу Сяофэн, — но на сей раз беда сама постучалась в двери к моим друзьям.

Сказав это, он внезапно посерьезнел. Хуа Маньлоу. Симэнь Чуйсюэ. Оба впутаны в опасную игру. Семью одного обвиняют в подлом убийстве, у другого похитили жену и сына.

В памяти Лу Сяофэна внезапно всплыли слова Сыкун Чжайсина: «Если придется выбирать, кого из двоих — Хуа Маньлоу или Симэнь Чуйсюэ — ты бросишься спасать первым?». Он мгновенно помрачнел.

Хуа Маньлоу, почувствовав перемену в друге, коснулся его плеча:

— Это не твоя забота, Лу-сюн, не терзай себя напрасно.

Симэнь Чуйсюэ молчал, погруженный в думы.

— Послание без подписи и конца... — задумчиво произнес Хуа Маньлоу. — Откуда же вы намерены начать поиски, владелец Симэнь?

— Отправлюсь в Долину заходящего солнца, — ответил тот.

— Там они жили прежде?

Симэнь Чуйсюэ кивнул. Если не знаешь, куда увели близких, начни с того места, где их видели в последний раз.

— Кто доставил письмо? — спросил Лу Сяофэн.

— Посланец мертв.

И, помолчав, добавил:

— Убил не я.

— Ты видел тело?

— Нет.

— Откуда же такая уверенность?

— Будь он жив, я бы уже нашел его, — бесстрастно уронил мечник.

Лу Сяофэн понимал: теперь всё Поднебесье знает, что Симэнь Чуйсюэ вышел на тропу войны. Хуа Маньлоу предостерег:

— Владелец Симэнь, ваше мастерство не имеет равных, но на сей раз будьте предельно осторожны. Ваши враги подготовились основательно. У них наверняка есть тайный козырь.

В самом деле, кто решится на похищение близких Бога меча, не имея безупречного плана? Ведь каждый знает: если Симэнь Чуйсюэ обнажит клинок, кровь прольется неизбежно. В нынешнем мире едва ли найдется соперник, способный противостоять ему в честном бою. И всё же они осмелились. В этой атмосфере удушливой жажды убийства они сделали свой ход. Либо ты, либо я — третьего не дано. И умирать по своей воле никто не хочет.

— Господин Хуа, вам лучше позаботиться о делах собственного клана, — холодно заметил Симэнь Чуйсюэ. — Ваша ситуация куда запутаннее моей.

Мечник мог решить любую проблему, просто убив врага. Хуа Маньлоу на это не пойдет. В этом была его величайшая сила и его же главная слабость — он никогда не использовал смерть как решение.

— Вы правы, — согласился Хуа Маньлоу. — И всё же я искренне желаю, чтобы ваши близкие вернулись невредимыми.

Лу Сяофэн пребывал в глубоком раздумье. Идти ли ему с Хуа Маньлоу в крепость Цветов персика или последовать за Симэнь Чуйсюэ в Лося-гу? Впервые в жизни он столкнулся с таким мучительным выбором. Он вдруг почувствовал, что быть другом таких людей — тяжкое бремя.

— Прощу, — Симэнь Чуйсюэ жестом указал друзьям, что им пора расстаться.

Он не хотел, чтобы кто-то еще вмешивался в это дело. Даже Лу Сяофэн.

Мечник уже готов был тронуться в путь к Долине заходящего солнца. Он не торопился, зная: чем дальше он ищет, тем в большей безопасности остаются заложники — мертвые они не принесут похитителям пользы. Но и медлить нельзя: время — коварный союзник, способный обернуть любую случайность в катастрофу. Он двигался в привычном ритме, не теряя ни мгновения.

— Брат Симэнь, — окликнул его Лу Сяофэн, — не встречал ли ты по дороге Сыкун Чжайсина?

Тот покачал головой, но тут же вспомнил:

— Я видел другого человека.

— Кого?

— Тан Сююя из клана Тан.

— Того самого, чье имя — «Бескрайний шелковый дождь»?

— Его.

«Легкие цветы опадают, подобно призрачному сну, а бескрайний шелковый дождь мелок, как тихая печаль». Тан Сьюй — один из величайших мастеров Танмэнь. Говорили, что его искусство ядов и скрытого оружия достигло пика, а владение родовой техникой «Плети семи убийц» не знает равных.

Сами по себе кулачные стили и техники хлыста в клане Тан считались второстепенными, едва ли дотягивая до второго уровня, и большинство учеников учили их лишь для основы. Никто не помышлял посвятить им жизнь. Но Тан Сьюй превратил работу с плетью в нечто уникальное, превзойти которое не могли даже мастера первого ряда. Мало кому довелось видеть его с оружием в руках — обычно противник умирал еще до того, как Сьюй доставал плеть. От его «Бескрайнего шелкового дождя» не было спасения. Это была кара небесная, печаль, от которой содрогаются даже призраки.

— По слухам, полгода назад Тан Сьюй вернулся в клан, — нахмурился Лу Сяофэн. — Старая госпожа Тан взяла с него клятву не покидать поместье в течение года.

— Тем не менее, он здесь, — отрезал Симэнь Чуйсюэ.

Хуа Маньлоу добавил:

— В клане Тан есть еще один мастер, двоюродный брат Сьюя. В искусстве ядов ему нет равных во всем мире — даже старейшины Танмэнь поражены его талантом.

— Тан У? Тот, кого называют «Человек, которого не видят»?

— Именно. Никто не видел его лица. Кроме соклановцев, все, кто встречал Тан У, давно в могилах. Пожалуй, он оправдывает свое имя — он словно пустота.

— Слышал я, — продолжал Хуа Маньлоу, — что полгода назад между ними вышла размолвка. Тан У покинул дом, а Тан Сьюя заперли под стражу, чтобы братья не истребили друг друга.

Лу Сяофэн кивнул. Теперь Тан Сьюй на свободе. Стало ясно: его уход из клана наверняка связан с поисками Тан У. Если двое опаснейших людей Танмэнь покинули свое гнездо, Поднебесье захлестнет волна крови.

Симэнь Чуйсюэ питал к клану Тан глубокое отвращение. Он презирал яды и скрытое оружие, считая, что только сталь клинка достойна воина. Смерть от яда — удел трусов и посредственностей. Честный поединок под луной куда благороднее удара в спину. Однако он не мог отрицать могущества Танмэнь.

— Неужели внезапное появление «Игл, пронзающих сердце» семьи Хуа — дело рук клана Тан?
— задумчиво спросил Лу Сяофэн.

Хуа Маньлоу покачал головой:

— Хоть Танмэнь и действуют жестоко, они горды и чтут законы. По правилам клана им запрещено использовать чужое скрытое оружие.

Он на мгновение замолчал, а затем добавил:

— Шэнь Бумянь оставила мне еще одно послание.

— В Диньтянь-гэ и впрямь было не время для таких разговоров, — согласился Лу Сяофэн.

— Брат Лу, помнишь ли ты стихи о том, как танцевала с мечом госпожа Гунсунь?

— «Жила некогда красавица из рода Гунсунь, и танец её меча потрясал четыре стороны света. Зрители бледнели, подобно горам, а небо и земля содрогались в ритме её движений...»

Лу Сяофэн не просто слышал об этом. Он был знаком с одной «госпожой Гунсунь», несравненной красавицей из тайного союза «Красных тувелек». Увы, та погибла от яда змеи незадолго до великой дуэли. Истинная трагедия для красоты.

— Перед смертью Шэнь Бумянь станцевала для меня, — тихо произнес Хуа Маньлоу.

— Станцевала с мечом?

— Окончив танец, она спросила: «Как мой меч в сравнении с искусством госпожи Гунсунь?».

— Должно быть, в её движениях крылась какая-то тайна.

— Сперва мне это показалось странным, но затем она процитировала строки Лю Юна на мелодию «Нефритовой бабочки».

— Думаешь, разгадка в тексте?

— Нет, слова были лишь прикрытием, чтобы отвлечь лишние уши. Тот, кто слушал её печальный голос, проникался лишь скорбью.

Хуа Маньлоу обернулся к другу:

— Лу-сюн, почему танец госпожи Гунсунь остался в веках?

— Потому что её искусство не знало равных.

— Но ведь никто из ныне живущих не видел его. Почему же все уверены в его совершенстве?

Лу Сяофэн задумался.

— Великий поэт Ду Фу посвятил ей бессмертные строки, а «Святой скорописи» Чжан Сюй, глядя на её танец, постиг тайну кисти и создал свой неподражаемый стиль «летащего дракона».

Тут Лу Сяофэна осенило.

— Скоропись?!

Хуа Маньлоу торжествующе кивнул:

— Именно так. Её танец был не просто движениями. Она писала мечом. Это была великолепная каллиграфия, скрытая в свисте стали. Первые три движения были лишь зачином, затем пошла вязь стиля цаошу, а финал вновь стал боевым приемом. Четыре смены ритма — и танец завершен.

— Она всё продумала, — восхитился Лу Сяофэн. — Оставила весть так, чтобы только ты смог её прочесть.

— Верно. Лишь тот, чей слух способен уловить тончайшие перемены в рассеваемом воздухе, мог различить очертания иероглифов. Сперва я просто почувствовал неладное, но когда она упомянула Гунсунь, пелена спала. Я долго размышлял над каждым её движением... и теперь знаю, что она хотела сказать.

— И что же это?

Хуа Маньлоу произнес медленно, чеканя каждое слово:

— Поместье Красной птицы.

<http://bllate.org/book/17403/1657490>